

«Проектирование»
советского политического прошлого
во властном дискурсе РФ

Владимир С. Авдонин

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Москва, Россия,
avdoninvla@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в дискурсе российской власти о советском политическом прошлом за последние три десятилетия. Выделяется специфика этого дискурса применительно к трем периодам – 1990-е, 2000-е, 2010-е гг., которые также условно персонифицируются как «ельцинское», «путинское 1 и медведевское» и «путинское 2» десятилетия. При этом сам этот дискурс рассматривается как средство легитимации политического режима соответствующего периода. В «ельцинский» период интенсивные негативные характеристики советского прошлого служат легитимации реформаторского режима, направленного на уход от советской модели и ориентирующегося на другие принципы (экономические и политические свободы, правовое государство, сотрудничество с Западом). В следующее десятилетие «советское» перестает трактоваться властью однозначно негативно и вытесняется в область исторического нарратива, где ему пытаются найти место в легитимирующем дискурсе о «нашем великом прошлом». Особенностью этого исторического нарратива является его «коллажность» (поверхностная и произвольная «склейка» разнородных фрагментов прошлого). С начала 2010-х гг. (период третьего и четвертого президентских сроков Путина) властный дискурс о советском прошлом служит легитимации авторитарных тенденций политического режима. В нем стигматизируется идеологический характер советской системы, а «идеологии» в ней противопоставляется «национальная идентичность», которой среди прочего приписываются свойства государственного лоялизма. В актуальной политике это открывает путь к воспроизводству советских идеологических практик, дискурсивно перекодированных в духе «государственной идентичности».

Ключевые слова: советское прошлое, политический дискурс, исторический нарратив, легитимация, политический режим, идеология, идентичность, лояльность

Для цитирования: Авдонин В.С. «Проектирование» советского политического прошлого во властном дискурсе РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 98–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-98-110

“Designing” the Soviet political past in the authoritative discourse of the Russian Federation

Vladimir S. Avdonin

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
avdoninvla@mail.ru*

Abstract. The article considers the changes in the discourse of the Russian authorities about the Soviet political past over the past three decades. The specificity of this discourse is highlighted in relation to three periods – the 1990s, 2000s, 2010s, which are also conditionally personified as “Yeltsin’s”, “Putin’s 1 and Medvedev’s” and “Putin’s 2” decades. At the same time, the discourse itself is viewed as a means of legitimizing the political regime of the corresponding period. In the “Yeltsin’s” period, the intense negative characteristics of the Soviet past serve to legitimize the reformist regime aimed at moving away from the Soviet model and focusing on other principles (economic and political freedoms, the rule of law, cooperation with the West). In the next decade, the “Soviet” is no longer unambiguously negatively interpreted by the authorities and is pushed into the area of historical narrative, where they are trying to find a place for it in the legitimizing discourse about “our great past”. A feature of that historical narrative is its “collage” (superficial and arbitrary “gluing” of heterogeneous fragments of the past). Since the beginning of the 2010s (during the third and fourth presidential terms of Putin), the authoritative discourse about the Soviet past serves to legitimize the authoritarian tendencies of the political regime. It stigmatizes the ideological character of the Soviet system, and contrasts “ideology” with “national identity,” which, among other things, is attributed to the properties of state loyalism. In current politics, it opens the way for the reproduction of Soviet ideological practices, discursively recoded in the spirit of “state identity”.

Keywords: Soviet past, political discourse, historical narrative, legitimization, political regime, ideology, identity, loyalty

For citation: Avdonin, V.S. (2021), “‘Designing’ the Soviet political past in the authoritative discourse of the Russian Federation”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 98–110, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-3-98-110

В политологических исследованиях внимание к историческому прошлому часто рассматривается в контексте вопросов об укреплении легитимности власти, об использовании исторического опыта в политической практике, а также в связи с формированием национальной, государственной или социальной (групповой) идентичности [Символическая политика 2012].

Для большинства постсоветских и посткоммунистических стран, переживших резкую и глубокую смену политических режимов, важной частью политики становится также проблема отношения к тому недавнему прошлому (советскому и социалистическому), которое в политическом плане было признано несостоятельным. Многие страны, так или иначе, сталкиваются с этой проблемой и стараются ее решить, прибегая к разным стратегиям. В одних случаях это может быть усиление критики прошлого в стремлении к его преодолению, в других – это попытки «забыть» прошлое, стараясь не вспоминать о нем, в третьих – это попытки «адаптировать» прошлое к новым условиям и использовать его в актуальной политике. Не исключены, разумеется, и различные смешанные варианты. При этом выбор того или иного варианта отношения к этому прошлому зависит от многих политических, экономических, социальных, культурных факторов, а сама «мемориальная» составляющая становится важным ресурсом и фактором формирования политического курса внутри страны и на международной арене.

Для изучения этого исторического фактора в политике существенное значение имеет исследование дискурса политических акторов по тематике недавнего исторического прошлого, которое помогает лучше понять и оценить их стратегии и цели в использовании этого ресурса в актуальной политике.

В исследованиях, посвященных российскому властному дискурсу, отмечается, что отношение в нем к темам советского прошлого за прошедшие тридцать лет заметно менялось. В некоторых работах¹ это фиксируется даже чисто количественно. Проводятся, например, подсчеты упоминаний о советском прошлом в официальных выступлениях (особенно в посланиях Федеральному собранию) российских президентов в разные годы, их темы, характер оценок, контексты. Эти данные показывают, что президент Ельцин, например, заметно чаще говорил о советском прошлом,

¹ См., например: Как изменилась риторика Путина? Проект русской службы BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/resources/iddt-8b36561c-1f51-4aa2-a2c5-5fab4d1b797e> (дата обращения 15.11.2020), а также [Мартьянов 2007; Малинова 2015; Галямина 2016] и др.

чем Путин во время первых двух президентских сроков и Медведев в период своего президентства. Но после 2012 г., во время третьего срока, у Путина количество упоминаний «советского» вновь заметно увеличивается. Анализировались также темы и оценки упоминаний о советском прошлом. Так, в дискурсе Ельцина большинство упомянутых советских тем получали негативные характеристики, а у Путина первых сроков и Медведева советских тем было не только меньше, но и оценки их были не так неоднозначны. Наконец, в дискурсе Путина третьего и четвертого сроков советской тематики становится не только больше, но и оценки ее приобретают вполне определенный дифференцированный характер (т. е. одни темы оцениваются однозначно позитивно, другие – негативно).

В целом исследования дискурса российской власти о советском прошлом позволяют выделить в нем три периода, которые во временном отношении можно условно соотнести с тремя постсоветскими десятилетиями – 1990-е гг., 2000-е, 2010-е. Их можно также персонифицировать, соотнося с президентскими сроками и имея в виду соответственно «ельцинское» десятилетие (1990-е), «путинское» (первых сроков) и «медведевское» (2000-е) и «путинское 2» (условно 2010-е). Каждый период отличается спецификой президентского дискурса о советском прошлом, за которым стоят изменения в его интерпретации, его роли в символической политике власти и в характере политического режима. В то же время в этом дискурсе можно обнаружить и некоторые общие моменты, которые прослеживаются для всех периодов.

Ельцинский период (1990-е гг.)

В этот период обращение к советскому прошлому в дискурсе президента было наиболее активным. И это неудивительно. Советское прошлое было еще очень близко и активно влияло на актуальную политику. Ельцин использовал преимущественно негативные интерпретации советского периода для укрепления легитимности своего режима и политического курса радикальных экономических и политических реформ.

Президент часто дает советскому периоду обобщенные политические характеристики, называя *«коммунистическим экспериментом»*, *«тоталитарной системой»*, *«сверхжесткой мобилизационной моделью развития»*, *«политическим режимом, не соответствовавшим требованиям времени»*, *«правившим с помощью насилия и об-*

мана» и т. д.² Также Ельцин не раз подчеркивает его неспособность к самореформированию. Попытки реформирования в нем неизменно заканчивались неудачами, лишь подтверждая *«исторический тупик»* созданной системы. Позднесоветское время он оценивает, давая негативные характеристики, прежде всего, неэффективной и расточительной экономической системе СССР, ее неспособности обеспечить благосостояние народа и ликвидировать отставание от передовых стран.

В области внешней политики Ельцин особенно подчеркивает закрытый характер советской системы, ее недоверие и подозрительность в отношении международного сотрудничества, а также враждебность и нацеленность на *«изнурительное»* и *«опасное противостояние»* с внешним миром. Декларируя отказ от этих черт советской внешней политики, Ельцин в то же время признает значимость особого международного статуса СССР как великой державы. Он указывает на задачу России стать *«полноценным правопреемником СССР на международной арене»*, особо акцентируя ответственность России за предотвращение конфликтов на постсоветском пространстве и за поддержание стратегической стабильности в мире.

Период перестройки Ельцин оценивает негативно в основном в плане *«метаний»* в экономической политике, поставившей страну на грань экономической катастрофы. Политические процессы перестройки (демократизация и гласность) он в целом оценивает положительно (*«идейное раскрепощение общества»*), но отмечает, что они дали неоднозначные результаты *«на фоне опустевших прилавков»* и *«царства талонов и бартера»*. Кризис и распад *«партийных и репрессивных скреп и старых “приводных ремней” власти»* привел к утрате централизованного управления. Становление самостоятельных институтов власти в республиках (особенно в РСФСР) он оценивает в целом положительно, как ответ на системный развал централизованной экономики и кризис политического управления в центре. Это не исключало *«путь к сохранению Советского Союза на принципиально новой основе»*, но путч ГКЧП как *«отчаянная попытка реставрации старых властных структур»* привел к *«исчезновению каких-либо возможностей сохранения СССР»*. Распуск СССР и создание СНГ Ельцин расценивает как предотвращение *«неуправляемого распада»* и *«военных столкновений при попытках*

² Ельцин Б.Н. Послание Федеральному Собранию РФ. 1996. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rosii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_za_kotoruju_my_v_otvete_1996_god.html (дата обращения 11.03.2021).

сохранения Союза силой», что привело бы «к более страшным последствиям, чем в Югославии»³.

Таким образом, оценивая советский период в основном как «*тупиковое*» и «*приговоренное историей*» прошлое, Ельцин видит в нем помеху развития страны. Движение вперед он связывает не с адаптацией советской системы, а с другими ориентирами (правовым государством, децентрализацией, экономическими и политическими свободами, международным сотрудничеством). Движение России вперед (от советской системы) он считал главной (и достигнутой) задачей своей политики. Даже в прощальном заявлении о своей отставке он не преминул упомянуть главное им сделанное – то, что «*Россия никогда не вернется в прошлое*»⁴.

2000-е гг.: Путинский (первых двух сроков) и медведевский периоды

В 2000-е упоминаний о советском прошлом в официальном дискурсе власти становится существенно меньше. Советская тематика как бы перестает интересовать властных акторов и вытесняется из повестки. Хотя отдельные жесты и высказывания, например возвращение музыки советского гимна в состав государственных символов или заявления о распаде СССР как о «геополитической катастрофе», вызывали оживленную реакцию.

Дискурсивный уход от «советского» в «нулевые» годы в основном можно объяснить двумя обстоятельствами. С одной стороны, осторожностью, стремлением к стабилизации режима и нежеланием поднимать еще горячие и раскалывающие общество темы, а с другой – переносом акцентов в строительстве легитимности нового формирующегося политического режима. В отличие от Ельцина, который укреплял свою легитимность, во многом опираясь на критику советского прошлого, Путин при формировании своего режима избрал для подобной роли прежде всего «*1990-е годы*». В своих выступлениях Путин не раз выделял «90-е годы» как некий негативный и во многом разрушительный период в жизни страны⁵.

³ Там же.

⁴ Ельцин Б.Н. Заявление. 31.12.1999. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/1999/12/31/0003_type82634_119554.shtml (дата обращения 15.03.2021).

⁵ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения 15.11.2020) и др.

В дальнейшем мем «*лихие 90-е*» прочно вошел не только во властный и пропагандистский, но и в общественный дискурс, а критика этого периода стала важным фактором дискурсивной легитимации путинского режима [Малинова 2018].

В отношении советского периода дискурс власти менялся в направлении его исторического «отдаления». Как отмечали исследователи, в дискурсе власти о «советском *прошлом*» акцент был сделан на втором слове [Россия в поисках 2016, с. 217]. В своем дискурсе и символической политике власть как бы подчеркивала, что «советское» стало «прошлым» и отношение к нему уже не требует столь активного и политизированного обращения с ним в текущей политике.

Дискурсивный перевод «советского» в прошлое открывал путь к его включению в общее пространство исторического дискурса власти о «*великом историческом прошлом России*», который в период первых президентских сроков Путина начал активно формироваться. Это означало выборочное использование отдельных символических элементов из разных эпох прошлого в целях конструирования единого исторического нарратива.

В выступлениях президента среди советских тем наиболее часто стали упоминаться победа в Великой Отечественной войне, достижения культуры и науки советского периода, а также (в негативном смысле) распад СССР. Эти фрагменты наделялись соответствующими смыслами, позволявшими включать их в единый исторический нарратив. Такую форму построения властного исторического дискурса в 2000-х ряд исследователей называли «*коллажной*» или «склеенной» [Малинова, 2015; Sherlock 2016]. Она означала «коллаж» («склейку») разнородных и даже противоположных смыслов разных дискурсов исторического прошлого (досоветского и советского) без их глубокой исторической проработки и содержательной реинтерпретации.

Эклектическое собирание разнородных смыслов было характерно, например, для появившейся в период второго срока президентства Путина концепции «*суверенной демократии*», которая пыталась объединить концептуально разнородные дискурсы демократии и национально-государственного суверенитета⁶. В период своего президентства Медведев привнес в дискурс власти еще большую фрагментацию и коллажность, пытаясь соединить в политической риторике путинскую «стабилизацию» и выдвинутую

⁶ Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. URL: <https://web.archive.org/web/20060418035317/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148> (дата обращения 15.11.2020).

им в политическую повестку *«модернизацию»*. Во властном дискурсе об историческом прошлом это вызвало определенные сдвиги, включив в него как *«сильное государство»* и *«великие победы»*, так и *«модернизации»* прошлого. В отношении советского времени был временно акцентирован его модернизационный смысл. Определяя СССР как *«крупнейший модернизационный проект XX века»*, хотя и завершившийся неудачно, Медведев старался легитимировать планы собственной политики модернизаций⁷.

Второй путинский этап (2010-е)

Начало 2010-х гг. и особенно возвращение на пост Президента России Владимира Путина в 2012 г. знаменовало собой начало нового этапа в историческом дискурсе российской власти, включая и презентацию в нем советского прошлого. Властный дискурс в этот период применялся также в более консолидированном, авторитарном и персоналистском политическом контексте, чем раньше.

Важнейшей чертой этого дискурса была ретроспективизация (обращение к опыту истории), которая проявлялась во многих программных текстах. В статье «Россия: национальный вопрос» Путин, например, непосредственно связывает актуальное строительство российской государственности с опытом «исторической России» и ее «единым культурным кодом»⁸. О том же он говорит и в так называемой «Валдайской речи»⁹.

Характер этой риторики исследователи определяют по-разному. Ряд авторов подчеркивают в ней дискурсивный поворот к архаике и анти-модерну, характерных для идеологических схем российской политики XIX – начала XX в. (от николаевской триады «самодержавие – православие – народность» [Hill, Gaddy 2015] до идеологии славянофилов и евразийцев [Eltchaninoff 2018]) и даже еще более архаичной идеологии Московского государства (XVI–XVII вв.) [Абалов, Иноземцев 2020].

Для советского прошлого это означало, что оно встраивалось в исторический дискурс «тысячелетней истории» и ее «духовых

⁷ Медведев Д.А. Россия, вперед! URL: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения 15.11.2020).

⁸ Путин В. Россия: национальный вопрос. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения 15.11.2020).

⁹ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения 15.11.2020).

скреп», традиций и «культурных кодов», подвергаясь соответствующей идейной переработке. На дискурсивном уровне эта задача решалась через критику «идеологии» в советском прошлом и символическое «замещение» ее другим концептуальным содержанием, определяемым *«культурным кодом народа»*, *«государственной идентичностью»* и *«патриотизмом»*. Последним среди прочего дискурсивно атрибутировались глубинные лоялистские свойства – приверженность сильному государству, его суверенитету и готовность идти ради этого на любые жертвы.

С точки зрения методологии критического дискурс-анализа и когнитивной лингвистики [Йоргенсен, Филлипс 2008; Chilton 2004; Hart 2015; Methods 2015] средствами этой концептуальной перекодировки советского прошлого выступали структурные реконфигурации концептов, отрицательный фрейминг и обратная перспективизация в ментальном пространстве. С их помощью «советская идеология» дискурсивно вытеснялась из восприятий советского прошлого. А в качестве альтернативы там теми же средствами, но с позитивной коннотацией, закреплялся как более общий и фундаментальный лоялистский концепт «русской идентичности».

В результате этого конструирования проектировалась фрагментация восприятия советского политического прошлого. В нем выделялись правильные периоды, определяемые «идентичностью», и неправильные, определяемые «идеологией». К первым относились Великая Отечественная война и победа, советские достижения в труде, науке, культуре, спорте, а ко вторым – революция и гражданская война, репрессии (как отзвук гражданской войны), перестройка, парад суверенитетов, развал СССР.

Внешнеполитическое наследие СССР в этот период в дискурсе Путина в целом имеет позитивные коннотации. Он изредка упоминает неудачи и слабости советской внешней политики (например, война в Афганистане, разорительная гонка вооружений и др.), но никогда их не акцентирует. Он позитивно презентует советское наследие прежде всего по двум темам: как условие для кооперации на постсоветском пространстве, создающее определенные конкурентные преимущества; как условие относительно устойчивой bipolarности всей мировой системы. Утратив военно-политическую мощь СССР, мировая система стала менее стабильной, поэтому ее восстановление в некоторой новой форме под эгидой России делает мир более стабильным.

Особая тема – наследие победы СССР над фашизмом. Здесь дискурс Путина формирует образ наследника героев, не просто сохранивших стабильность мировой системы, но спасших мир от экзистенциального зла, сохранивших само его существование.

В качестве еще одной темы Путин иногда использует и «прогрессистскую» трактовку советского наследия, имея в виду его влияние на мировой социальный прогресс в XX веке (социальное равноправие, равенство доходов, социальное обеспечение трудящихся и др.).

Советское политическое прошлое, определяемое *«патриотической идентичностью»*, включалось не только в исторический нарратив о *«великом прошлом»*, но и в тесно связанный с ним через интердискурсивность актуальный политический дискурс. В нем оно получало статус «правильного» прошлого, что способствовало легитимации и восстановлению в актуальной политике действующего режима прежних советских практик идеологического воспитания и контроля, представленных в нем как *«политика гражданской идентичности»*. Анализ программ этой политики в области культуры, образования, патриотического воспитания, информации и др., одобренных Путиным, позволяет видеть в них множество сходств с практиками идеологической работы и патриотического воспитания в позднем СССР¹⁰.

В целом исследование дискурса власти в этот период показало, что замена в советском прошлом «идеологии» на дискурсивно противоположную «патриотическую идентичность» является риторической конструкцией по перекодировке и переносу позднесоветских идеологических практик в контекст действующего политического режима для укрепления его легитимности.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Оценка наследия СССР в риторике основных политических акторов современной России» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-011-00709.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “The Legacy of the USSR in the Rhetoric of the Main Political Actors of Modern Russia”, no. 20-011-00709.

¹⁰ Программа патриотического воспитания граждан РФ на 2016–2020 гг. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420327349> (дата обращения 15.11.2020); Совместное заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47324> (дата обращения 15.11.2020).

Литература

- Абалов, Иноземцев 2020 – *Абалов А., Иноземцев В.* Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишер, 2020. 426 с.
- Галямина 2016 – *Галямина Ю.Е.* Мы – они: Как в дискурсе Владимира Путина разных лет конструируется идентичность // Политическая наука. 2016. № 3. С. 152–167.
- Йоргенсен, Филлипс 2008 – *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 624 с.
- Малинова 2015 – *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
- Малинова 2018 – *Малинова О.Ю.* Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 8. С. 45–69.
- Мартьянов 2007 – *Мартьянов В.С.* Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий президента РФ // ПОЛИТЭК. 2007. № 1. С. 152–179.
- Россия в поисках 2016 – Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.
- Символическая политика 2012 – Символическая политика: сборник научных трудов. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. 334 с.
- Chilton 2004 – *Chilton P.* Analysing political discourse. Theory and practice. L.; N.Y.: Routledge, 2004. 226 p.
- Eltchaninoff 2018 – *Eltchaninoff M.* Inside the mind of Vladimir Putin. L.: Oxford Univ. Press., 2018. 288 p.
- Hart 2015 – *Hart C.* Discourse // Handbook of cognitive linguistics / Ed. by E. Dabrowska, D. Divjak. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 322–345.
- Hill, Gaddy 2015 – *Hill F., Gaddy C.G.* Mr. Putin: operative in the Kremlin. Washington: Brookings Institution Press, 2015. 534 p.
- Methods 2015 – Methods of critical discourse studies / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. L.; N.Y.: Sage, 2015. 272 p.
- Sherlock 2016 – *Sherlock T.* Russian politics and the Soviet past. Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin // Communist and Post-communist studies. 2016. Vol. 49. Issue 1. P. 45–59.

References

- Abalov, A. and Inozemcev, V. (2020), *Beskonechnaya imperiya: Rossiya v poiskah sebya* [Infinite Empire: Russia in search of itself], Alpina Publisher, Moscow, Russia.
- Chilton, P. (2004), *Analyzing political discourse. Theory and practice*, Routledge, London, New York, UK, USA.
- Eltchaninoff, M. (2018), *Inside the Mind of Vladimir Putin*, Oxford Univ. Press., London, UK.
- Galyamina, Yu.E. (2016), Мы – они: Как в дискурсе Владимира Путина разных лет конструируется идентичность [We – them. How identity is constructed in Vladimir Putin's discourse in different years], *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 152–167.
- Hart, C. (2015), “Discourse”, in Dabrowska, E. and Divjak, D. (eds.), *Handbook of cognitive linguistics*, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, Germany, USA, pp. 322–345.
- Hill, F. and Gaddy, C.G. (2015), *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*, Brookings Institution Press, Washington, USA.
- Jorgensen, M.V. and Fillips, L.J. (eds.) (2008), *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis as theory and method], Gumanitarnyi centr, Kharkov, Ukraine.
- Malinova, O.Yu. (2015), *Aktualnoe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Relevant past. Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity], *Politicheskaya enciklopediya*, Moscow, Russia.
- Malinova, O.Yu. (2018), “Justifying the political course of the 2000s and constructing the myth about ‘the hard nineties’ in the Vladimir Putin’s discourse”, *Politicheskaya nauka*, no. 8, pp. 45–69.
- Martyanov, V.S. (2007), “V.V.Putin’s ideology. Conceptualizing the messages of the President of the Russian Federation”, *POLITEKS*, no. 1, pp. 152–179.
- Martyanov, V.S. and Fishman, L.G. (ed.) (2016), *Rossiia v poiskah ideologii: transformatsiya cennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv* [Russia in search of ideologies. The transformation of value regulators of modern societies], *Politicheskaya enciklopediya*, Moscow, Russia.
- Sherlock, T. (2016), “Russian politics and the Soviet past. Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin”, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, issue 1, pp. 45–59.
- Simvolicheskaya politika, Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyy resurs* (2012) [Symbolic politics, issue1: Constructing perceptions of the Past as a power resource], INION RAN, Moscow, Russia.
- Wodak, R. and Meyer, M. (eds) (2015), *Methods of critical discourse studies*, Sage, London, New York, UK, USA.

Информация об авторе

Владимир С. Авдонин, доктор политических наук, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; avdoninvla@mail.ru

Information about the author

Vladimir S. Avdonin, Dr. of Sci. (Political Science), Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 51/21, Nahimov Av., Moscow, Russia, 117997; avdoninvla@mail.ru